

*Авторский вариант статьи И.С. Королева,
предназначенной для публикации
в журнале «МЭиМО»
(предположительно в № 4 2013 г.)*

НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РИСКИ ДЛЯ РОССИИ

После кризиса 2008-2009 гг. мировой экономике не удаётся запустить докризисные высокие темпы роста. В первую очередь проблемы у развитой части мира, особенно стран Южной Европы, где безработица достигла рекордных показателей. Экономическая динамика замедлилась также и в развивающихся странах, в том числе в Китае.

Нынешний кризис по своим масштабам несопоставим с Великой депрессией 1929-1933 гг. Тогда падение промышленного производства в США составило 56%, экспорт сократился на 80%. В июле 1932 г. металлургическая промышленность США из-за падения спроса работала на 12% своих мощностей. Производство автомобилей, достигшее в марте 1929 г. 600 тыс., в декабре того же года упало до 93 тыс.¹ Произошло резкое сжатие финансовых активов. Индекс Доу - Джонса, поднявшись с 1924 по 1929 гг. на 300%, упал к 1932 г. на 89%.² Вслед за Нью-Йорком упали цены акций в Лондоне, Берлине, Париже. Заметно и надолго снизились цены на рынках сырья и продовольствия.

В 2009 г. мировой ВВП сократился лишь на 0,6% , в том числе в США – на 3,1%, в ЕС – на 4,2%.³ Государственная антикризисная политика сейчас оказалась более или менее эффективной. Межгосударственное сотрудничество, в том числе в рамках «G-8» и «G-20», также сыграло свою позитивную роль. Мир не перешёл на жёсткий протекционизм, как это было в 30-е годы, что позволило избежать дальнейшей эскалации экономических потрясений.

Ещё одно существенное отличие нынешнего кризиса от 1929 г. – это быстрое восстановление финансовых «пузырей» и глобальных дисбалансов.

КОРОЛЕВ Иван Сергеевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, советник РАН (korolev@imemo.ru)

¹ См., например: Андрей Аникин. История финансовых потрясений. М., 2000.

² Подробнее см.: И. Г. Доронин Мировые фондовые рынки./Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003.

³ IMF World Economic Outlook database.

Противоречивая роль дисбалансов

Современный мир сплошь состоит из диспропорций и противоречий. В мировой экономике, помимо дисбалансов в накоплении и потреблении, сохраняются или даже обостряются противоречия между трудом и капиталом, развитием и окружающей средой, размещением ресурсов и производительных сил, национальным регулированием и глобальным характером международной торговли, финансов, процессов миграции.

Размеры статьи позволяют остановиться лишь на некоторых сферах, где присутствуют глобальные дисбалансы. Это, прежде всего, сохраняющийся дисбаланс в мировом потреблении и накоплении, который лежит в основе многих финансовых «пузырей».

Таблица 1. Доля потребления и накопления в ВВП, 2010 г., %

	Потребление домохозяйств	Норма накопления
<i>Мир в целом</i>	62	20
Китай	35	48
Индия	57	35
Бразилия	61	19
Россия	49	23
США	71	15
Великобритания	64	15
Германия	57	17
Япония	59	20
Израиль	58	16

Источник: рассчитано Сектором прогнозирования мировой экономики ИМЭМО по The World Bank Group, World Development Indicators database, International Financial Statistics.

В Китае и Индии норма накопления на ранней стадии индустриального развития держалась на уровне 28-35%. В начале первого десятилетия этого века для поддержания высоких темпов экономического роста и, учитывая снижение эффективности инвестиций, в этих странах резко увеличили норму накопления (до 35-48%).

Что касается развитых стран, то в условиях кризиса инвестиции снизились, и с 2010 г. начался их медленный рост. В США в 2009 г. инвестиции сократились до 14% ВВП. Среднее многолетнее значение нормы накопления в США – 17-18%. Во второй половине 1990-х гг. произошло увеличение доли инвестиций в ВВП до 21% в 2000 г. (это предельное значение для экономики США), которое обеспечило до 2008 г. высокие темпы экономического роста – 3-4% в год.

На протяжении последних десятилетий дисбаланс между потреблением и накоплением был своего рода локомотивом глобального экономического развития. Спрос в странах с высоким уровнем потребления, прежде всего в США, стимулировал экспортное производство в странах с высоким уровнем накопления, прежде всего в Китае. Сейчас такой механизм даёт сбой. Выравнивание этого дисбаланса создаст трудности в инвестиционно-ориентированных странах и в странах с потребительской моделью экономики. Для первых это будет означать сужение внешнего спроса, для вторых – понижение уровня жизни, на что они вряд ли захотят пойти.

Обострение проблемы диспропорций в глобальном потреблении и накоплении связано с изменившимся раскладом сил на мировых рынках, вытеснением с них европейских и американских поставщиков экспортёрами из Азии и Латинской Америки.

Таблица 2. Доля экспорта и импорта в ВВП, 2010 г., %

	Доля экспорта	Доля импорта
<i>Мир в целом</i>	28	28
Китай	30	26
Индия	22	25
Бразилия	11	12
Россия	30	22
США	13	16
Великобритания	30	33
Германия	47	41
Япония	15	14
Израиль	37	35

Источник: рассчитано Сектором прогнозирования мировой экономики ИМЭМО по The World Bank Group, World Development Indicators database, International Financial Statistics.

Происходящая в последние десятилетия «финансиализация» мировой экономики, т.е. опережающий рост финансовых активов по сравнению с ростом ВВП, и финансовые инновации были немаловажным фактором экономического роста до кризиса. Развитие рынка производных инструментов (деривативов) позволяло привлекать для инвестиций практически неограниченные средства и распределять риски. Но финансовые активы не могут расти бесконечно. Раньше или позже финансовые «пузыри» лопаются. Резкое падение цен на жильё в США в 2006 г. подорвало американский рынок ипотеки с объёмом 13-14 трлн. долл. и вызвало кризис доверия среди финансовых институтов по всему миру, а затем - сбой глобального кредитного механизма (credit crunch).

Ряд финансовых «пузырей» быстро восстановились после кризиса 2008 г. Так, объём теневого финансового сектора, осуществляемых не через регулярные банки, по расчётам Совета по финансовой стабильности⁴, в 2011 г. превысил докризисный уровень и достиг 67 трлн. долл. – больше мирового ВВП.⁵ Такая «теневая банковская система» (shadow banking) представлена преимущественно хедж-фондами. Сфера деятельности – внебиржевой оборот деривативов, операции с различными долговыми инструментами, в том числе кредитно - дефолтными свопами. Осенью 2011 г. Совет разработал предварительные рекомендации по мониторингу и регулированию теневого банковского сектора. Однако широкой поддержки такая инициатива не получила. Главные противники – транснациональные корпорации и финансовые группы.

Не ослабевает приток ликвидности на товарные рынки, прежде всего, рынок нефти. Объём биржевой торговли «бумажной нефтью» превысил докризисный уровень более, чем в 1,5 раза и достиг в 2011 г. 39,2 трлн. долл.⁶, что стало немаловажным фактором роста цен на нефть. Биржевая цена на нефть в Лондоне, упавшая с 146 долл. за баррель в июле 2008 г. до 34 долл. в декабре 2008 г., поднялась к концу 2012 г. до 111 долл. Когда основные валюты – доллар

⁴ Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board) – преемник Форума финансовой стабильности, организации, созданной по решению G7 в 1999 г. В Совет входят 24 страны, в том числе Россия.

⁵ См.: Financial Stability Board. Global Shadow Banking Monitoring Report, 18 November 2012.

⁶ См.: Жуков С., Копытин И., Масленников А. Регулирование рынка энергетических деривативов: планы и реалии. // Деньги и кредит. 2011, № 9, С. 13.

и евро – сталкиваются с серьёзными проблемами, фьючерсные контракты на нефть стали для финансовых игроков одним из важнейших инструментов защиты от инфляционных и курсовых рисков.

Способствует образованию финансовых «пузырей» и растущий государственный долг большинства развитых стран мира. За 2007-2012 гг. (прогнозная оценка) соотношение государственного долга к ВВП выросло: у Японии – с 183% до 236%, США – с 67 до 107%, Англии – с 44 до 89%, Франции – с 64 до 90%, Италии – со 103 до 126%, Ирландии – с 25 до 126%, Исландии - с 29 до 118%, Греции – со 107 до 170%.⁷ Постоянно увеличиваются государственные заимствования на рынках капитала. Но на много порядков быстрее растут финансовые производные инструменты (деривативы), выпущенные на основе государственных долговых обязательств, преимущественно казначейских векселей США. Объём таких деривативов достигает сейчас двух-трёх сотен триллионов долларов.

Пока лишь на фондовых рынках во многих странах, в том числе России, сохраняется в целом застойно -волатильная ситуация, хотя до кризиса на протяжении многих лет рост фондовых индексов практически везде устойчиво обгонял темпы потребительской инфляции. Среди ведущих финансовых площадок к марту 2013 г. исторический максимум был достигнут только в США, где индекс Доу-Джонса превысил докризисный рекордный уровень 2007 г. Но это во многом отражает неуверенность международного бизнеса в перспективах глобального экономического развития и его стремление застраховаться путём перевода денег в США.

Мировое сообщество пытается навести больше порядка в глобальных финансах и исправить ошибки, допущенные в ходе дерегулирования финансовых рынков. В то же время попытки усилить контроль на них наталкиваются на противодействие различных бизнес-группировок. Так, всё ещё остаётся неясным, как будет действовать принятый Конгрессом США и подписанный президентом Обама в июле 2010 г. Закон Додда-Фрэнка о реформе финансового сектора и защите потребителя. Закон, состоящий из 2-х тыс. страниц, предусматривает широкий комплекс мер: создание межведомственного регулятора (*Financial Stability Oversight Council*) во главе с министром финансов, более жёсткие нор-

⁷ IMF World Economic Outlook database.

мы банковской деятельности, в частности, запрет осуществлять операции с ценными бумагами за счёт собственных средств банка, контроль над торговлей деривативами и др.⁸ Однако принятие подзаконных актов наталкивается на сопротивление финансового лобби. Его аргументы имеют свои резоны. Закон действительно может нанести удар по конкурентоспособности американских банков. Более того, возможное сокращение объёма международных финансовых сделок приведёт к падению внешнего спроса на доллары и американские казначейские векселя. Таким образом, США пока безуспешно пытаются достичь две не очень стыкующиеся цели: снизить для своей экономики финансовые риски и при этом сохранить глобальные позиции американских финансовых институтов.

В целом, в мировой экономике сложилась достаточно тупиковая ситуация. Глобальные дисбалансы в предыдущие десятилетия обеспечивали относительно высокие темпы экономического развития. Попытки уменьшить диспропорции в глобальном потреблении и накоплении, сократить государственные, в том числе социальные, расходы, ввести более жёсткое регулирование на финансовых рынках, ограничить трудовую миграцию, уменьшить торговые дисбалансы за счёт протекционистских мер, борьба с т.н. «потеплением климата» - всё это будет сдерживать экономический рост.

Пока нет ясности, как мировая экономика будет выбираться из этого тупика. Для глобального экономического развития нет ресурсных ограничений (трудовых, сырьевых, финансовых). Сбой даёт механизм использования этих ресурсов.

Один из сценариев выхода из этого тупика – переход мировой экономики на новую модель функционирования. Её принципы:

- конвергенция национальных социально-экономических моделей;
- усиление в них человекоцентристской направленности;
- становление нового технологического уклада;
- переход к «зелёной экономике»;
- движение к «глобальному управлению».

Переход на такие принципы – сложный, противоречивый процесс, займёт длительный период времени.

⁸ Подробнее см.: Перспективы социально-экономического развития США после кризиса 2008-2009 гг. М., ИМЭМО РАН, 2012.

Риски для России

Основной риск связан со сценарием, при котором модель социально-экономического развития России будет существенно отклоняться от общемировых тенденций. Прежде всего, речь идёт о качестве человеческого капитала. Существует угроза его дальнейшего снижения, растущего депрофессионализма в госаппарате, в корпоративном управлении. И как следствие – низкая динамика производительности труда и эффективности экономики в целом. В этом случае переход России на инновационные рельсы развития был бы маловероятен. Особенно с учётом нашего отставания от ведущих стран в науке, образовании, здравоохранении.

Несколько цифр. Государственные и частные расходы США на науку в расчёте на одного исследователя составляли в 2010 г. 293 тыс. долл., Японии – 263, Китая – 74, России – 39 (!). При этом научных работников в США в 3,5 раза больше, чем в России.⁹

На обозримую перспективу США сохраняют своё лидерство в фундаментальных и прикладных исследованиях, поскольку по расходам на образование они значительно опережают другие страны. В расчёте на душу населения в США в 2010 г. тратили на образование 3,6 тыс. долл., Японии – 1,5 тыс., Бразилии – 550 долл., у нас – 400 долл., в Китае – 210 долл.¹⁰

Расходы на медицину на душу населения в 2010 г.: США – 7,6 тыс. долл., Япония – 3,6 тыс., Бразилия - 1 тыс., Россия – 560 долл., Китай – 220 долл. (правда, у китайцев народная медицина работает эффективно без финансовой помощи государства), Индия – 62 долл.¹¹

Таким образом, по ключевым параметрам, определяющим будущее мирового развития, Китай, Индия и Бразилия, наращивая свой ВВП, ещё далеки от передовых стран. И равняться нам надо, наверное, на реальных лидеров глобальной экономики, а не на партнёров по странному объединению под названием БРИКС, при всей важности двусторонних отношений с этими странами.

Ещё один риск связан с несимметричной зависимостью от внешних рынков – неоправданно завышенной долей в экспорте продукции ТЭК, с одной сто-

⁹ Рассчитано Сектором прогнозирования мировой экономики ИМЭМО по The World Bank Group, World Development Indicators database.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

роны, и высокой импортной составляющей социально значимых продуктов - продовольствия и медикаментов, с другой. Вероятность падения цен на нефть и газ повысится, если усилится контроль над операциями на финансовых рынках, что может уменьшить приток ликвидности на рынок нефти.

Другой неблагоприятный для нас фактор - разработка нетрадиционных месторождений нефти и газа. Извлекаемые запасы сланцевого газа в 32-х странах, по которым имеется информация, близки к мировым запасам природного газа на традиционных месторождениях и оцениваются в 187,5 трлн. м³. На первом месте – Китай с 36 трлн. м³, у США 24 трлн.¹²

Падение цен на нефть приведёт, если заранее не подготовиться, к исчезновению пока основного для нас фактора роста и резкому обострению социальной обстановки в стране.

Следующий риск – обострение проблемы доллара. В настоящее время госдолг США превышает 16 трлн. долл. В отличие от Японии, где кредиторами государства являются японские компании и граждане, 45% долга США находятся в руках иностранцев. Пока американская экономика может нести бремя процентных выплат (220 млрд. долл. в 2011 г., или 1,5% ВВП).¹³ Бремя обслуживания долга смягчается пока низкими процентными ставками. Но какая будет их динамика в будущем? Рост ставок на 1 процентный пункт увеличивает выплаты бюджета по долгу на 160 млрд. долл. В этих условиях казначейские векселя США уже не выглядят полностью безрисковыми. А на них прямо или косвенно завязаны основные сектора глобального финансового рынка – активы пенсионных фондов (20 трлн. долл.), активы, находящиеся в управлении инвестиционных компаний типа BlackRock (60 трлн. долл.), и рынок деривативов (600 трлн. долл.).¹⁴

Конечно, сценарий даже частичного обвала доллара пока чисто гипотетический, однако полностью его исключать нельзя. В этом случае была бы нарушена многосторонняя система международных платежей, конвертируемость

¹² Без России, стран Центральной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Центральной Африки, также располагающих с большой степенью вероятности значительными запасами сланцевого газа. www.worldenergyoutlook.org/; www.eia.gov/; Oil and Gas Journal.

¹³ An Update to the Budget and Economic Outlook: Fiscal Years 2012-2022. Congress of the United States. Congressional Budget Office. August 2012. P.7.

¹⁴ The Financial Times, November 15, 2012.

валют, произошёл бы переход на расчёты по клирингу, резкий спад мировой торговли и производства. При таком гипотетическом сценарии Россия оказалась бы (вместе с ОПЕК и Китаем) в наибольшем проигрыше.

Наконец, риск оказаться в плохой или «неправильной» компании вместе со странами типа каддафистской Ливии, саддамовского Ирака и т.д. Нашими наиболее эффективными торговыми и инвестиционными партнёрами могут быть демократические страны, лидеры в сфере инновационных технологий. Это большая часть ЕС, США, Канада, Япония, Израиль.

Сценарии снижения рисков

Структура экономики. Главное для снижения внешнеэкономических рисков - переход к развитию на основе повышения роли внутренних факторов, естественно, при сохранении открытости экономики.

Для этого требуется изменить отраслевую и региональную структуры экономики.

По относительному значению обрабатывающей промышленности в экономическом развитии наша страна не является явным аутсайдером среди мировых лидеров. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП у нас (14,1%) выше, чем в Австралии (9,8%) и Норвегии (10,7%), и не намного уступает даже США (15,4%).

Таблица 3. Вклад отраслей в ВВП в экономике ряда стран мира в 2008г., в постоянных ценах (в %)

Страна	Обрабатывающая промышленность	Добывающая промышленность	Внутренняя торговля	Финансовый сектор	Здравоохранение, образование, другие социальные услуги
Норвегия	10,7	8,8	17,2	18,4	13,6
Австралия	9,8	7,6	12,8	29,5	14,4
США	15,4	0,9	16,8	33,2	14,6
Индия	14,5	1,8	14,7	13,7	7,4
Канада	15,0	5,2	14,6	26,5	13,9
Бразилия	15,1	2,1	18,7	16,3	11,6
ЮАР	15,9	5,0	13,8	22,0	3,4
Китай	32,8	5,6	9,4	9,5	15,3
Россия	14,1	5,7	27,0	16,7	6,5

Источник: рассчитано по Statistical Yearbook. Fifty third issue. United Nations, 2010.

Относительная роль добывающей промышленности в нашей экономике по сравнению с другими крупными странами не является гипертрофированной - 5,7%. (по данным Росстата – 7,8% в текущих ценах). По этому показателю Россия находится на уровне Китая (5,6%), и Канады (5,2%), уступая таким «горнодобывающим» гигантам, как Австралия (7,6%) и Норвегия (8,8%).

Явно чрезмерной в России оказывается сфера розничной и оптовой торговли. Ее доля в ВВП составляет почти 30%. Это выше, чем у любой крупной развитой и развивающейся страны, включая наиболее «постиндустриальные» США. И это не положительный показатель, а следствие большого числа неэффективных посредников. Зато финансовый сектор и особенно сектор социальных услуг, включая здравоохранение и образование – наиболее отсталые в российской экономике. Ниже стоит только Южная Африка - (3,4%). Даже в Индии (7,4%) удельный вес социального сектора в ВВП выше, чем в России (6,5%), не говоря уж о Бразилии (11,6%) и развитых странах. А наиболее высокая, в основном за счёт народной медицины, эта доля у Китая (15,3%) – даже выше. При этом, если в других странах удельный вес социального сектора в ВВП возрастает, то в России – сокращается: за 2002-2008 гг. он снизился с 8 до 6,5%.

Доля топливной промышленности (прежде всего, нефтегазодобывающей) за 1990-2008 гг. выросла в общих объемах промышленных инвестиций с 34 до 48%. Эта неблагоприятная тенденция сформировалась еще в советские времена: за 1970-1990 гг. удельный вес топливных отраслей в промышленных инвестициях вырос с 17 до 35%.

Однако, как видно из табл. 3, вклад ТЭК в создание добавленной стоимости невысок, что объясняется значительным потреблением отраслью материалов и оборудования, большая часть которого поступает по импорту.

Чтобы повысить косвенный эффект для экономического роста, необходимо стимулировать отечественные поставки материалов и оборудования для ТЭКа, а также других экспортных отраслей - золотодобычи, лесной промышленности и др.

Другая точка роста - вложения, в том числе государственные, в инфраструктуру, прежде всего, дороги, создание сетевой транспортно-коммуникационной структуры с тем, чтобы разгрузить транспортные потоки через Москву.

В долгосрочном плане точкой роста является сельское хозяйство, пищевая и лёгкая промышленность, работающие на отечественном сырье. Реальный прорыв в этих отраслях может стать не только важным фактором поддержки малых городов Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока, но даст толчок пространственному развитию, расширит ареал комфортного проживания. И, главное, может изменить демографическую ситуацию в пока ещё русских областях.

По своему потенциалу (пахотные земли, пастбища, водные ресурсы) сельское хозяйство могло бы вносить в экспорт не меньший вклад, чем ТЭК, особенно с учётом неизбежного обострения мировой продовольственной проблемы в ближайшие десятилетия и возможного ухудшения конъюнктуры на рынке нефти и природного газа.

Важнейшее значение для экономического роста имеет региональная структура экономики. Понятно, что стягивание финансов и производства в Московский регион имеет свои причины. Инвестиции там, в силу сложившегося положения вещей, оказываются более эффективными, чем, например, в Сибири или на Дальнем Востоке. Однако при такой территориальной концентрации оказываются недоиспользованными ресурсы, прежде всего людские, в других регионах. Происходит закупорка транспортных потоков с доминирующим центром в Москве, неоправданно удорожаются транспортные расходы в конечном продукте. Поэтому вряд ли разумно искусственно стимулировать дальнейшую региональную концентрацию экономики, как это будет происходить после расширения Москвы, решение о котором было принято без широкого обсуждения в обществе.

Нефтегазовый комплекс. Здесь сосредоточены наибольшие риски. Сдвиг нефтегазодобычи в Восточную Сибирь в разы увеличит издержки, на шельф Арктики – на порядок. Конечно, развитие технологий может снизить издержки, но и мировые цены на нефть и газ также могут понизиться. По прогнозам экспертов, до 2040 г. в поиск и разработку месторождений Арктического шельфа придётся вложить 1 трлн. долл.¹⁵ Риск того, что цена не окупит затраты, велик. Тем более, что есть другие сферы, где такие деньги принесут стране более очевидную пользу.

¹⁵ Оценка Союза нефтегазопромышленников России. ИПС Информационно-аналитическое агентство. International Press Consulting. 30.05.12.

Риски связаны и с разворотом топливно-сырьевого экспорта на азиатское направление. Многие рынки региона, прежде всего китайский, гораздо более сложные и менее предсказуемые для поставщиков, по сравнению с европейским рынком, даже с учётом третьего энергопакета ЕС. Но, главное, сырьевой экспорт не обеспечивает необходимую для модернизации Восточной Сибири и Дальнего Востока интеграцию в АТР и повышение там качества жизни населения.

В условиях средне- и долгосрочной неопределённости мировых спроса и цен на нефть и газ главное – снять, по возможности, с государства риски по новым инвестициям и переложить их на частные компании. Пока этого не происходит. Приватизация государственных нефтегазовых компаний, действующих в ТЭЖе, похоже, откладывается. У частных российских нефтегазовых компаний по сегодняшнему законодательству по-прежнему нет доступа на Арктический шельф. Сделка «Роснефти» с ТНК-ВР – это по сути дела дорогостоящая национализация. Она несёт в себе значительные и вряд ли оправданные долгосрочные риски, которые фактически лягут на государство. В случае падения цен на нефть вероятно также и снижение капитализации нового нефтяного гиганта. Тогда затраты, связанные с выкупом активов ТНК-ВР, не отобьются.

Скорее всего, давление американской администрации на ВР будет возрастать. И, несмотря на то, что компания обладает первоклассными активами, а может быть именно поэтому, её будущее под вопросом. Осенью 2012 г. американское Агентство защиты окружающей среды запретило ВР на неограниченный срок заключать новые контракты в США из-за «неадекватной бизнес-модели компании».¹⁶

Тяжёлая ситуация складывается в отечественной электроэнергетике, роль которой в экономическом развитии во-многом ключевая. Здесь, по мнению многих специалистов, требуется как раз повышение роли государства. Прежде всего, в финансировании инвестиций в новые генерирующие мощности, в том числе возобновляемые источники энергии, модернизацию, безопасность. Также необходимо усилить государственное регулирование рынка электроэнергии, как это имеет место в США, Канаде и многих европейских странах, где надёж-

¹⁶ <http://www.epa.gov/epahome/publications.htm>.

ность поставок и безопасность энергетических объектов обеспечивает не рыночный механизм, а прежде всего государство.

Также, с точки зрения снижения рисков, нет смысла отказываться от одноканального экспорта газа. Дело в том, что в отличие от нефти, где есть биржевые цены, на рынках газа информации по ценам на конкретные сделки практически нет. В перспективе вероятен отрыв цен на газ от цен на нефтепродукты и они, по-видимому, будут носить ещё более хаотичный характер. Конкуренция между российскими экспортёрами на внешних рынках газа, в отличие от конкуренции на рынках нефти, может привести к значительным ценовым потерям для страны.

Внешняя торговля и финансы. Многие валютно-финансовые риски для России связаны со значительным активом торгового баланса. Так, в 2010 г. актив торгового баланса составлял у России 8% ВВП. Это больше, чем у любой другой крупной страны. Для сравнения: у Китая положительное внешнеторговое сальдо составляло 4%, Германии – 6%, Японии – 1%. У большинства крупных стран, как правило, постоянный дефицит торгового баланса. У США, Великобритании и Индии в 2010 г. он составил 3%, у Бразилии – 1% ВВП (см. Табл. 2).

При нынешнем значительном активе внешнеторгового баланса неизбежна масштабная легальная утечка капитала. Частичная альтернатива этому – либо ещё больше накапливать валютные резервы, либо повышать курс рубля. С 2005 г. его реальный курс, несмотря на принимаемые ЦБ контрмеры, повысился почти на 40%. Удар по промышленности больший, чем снижение импортных тарифов при вступлении в ВТО. В другой нефтеэкспортирующей стране – Норвегии – курс кроны за этот период практически не изменился¹⁷.

Решение задачи сбалансированности экспорта и импорта по текущим операциям (торговля товарами и услугами), естественно, требует интенсификации инвестиционного процесса, увеличения в нём импорта технологий и оборудования в целях реиндустриализации страны на современном уровне. Для стимулирования инвестиций можно было бы больше использовать внешние государственные заимствования.¹⁸

¹⁷ IMF International Financial Statistics.

¹⁸ Суммарный внешний и внутренний государственный долг России – один из самых низких в мире: 11% ВВП в 2012 г. (прогнозная оценка МВФ).

Достаточно странным, на мой взгляд, выглядит общепринятая установка на поддержку экспорта как на приоритетную задачу. Во-первых, эффективность расходов по поддержке экспорта трудно контролировать. Во-вторых, зачем ещё больше увеличивать внешнеторговый актив? Это чистое отвлечение ресурсов из страны. ТЭК с лихвой обеспечивает нам валютные поступления по экспорту. Важнее помочь отечественному машиностроению конкурировать с иностранными фирмами на внутреннем рынке, в частности, по условиям кредитования покупателя, стимулировать встраивание отечественной продукции в глобальные производственные звенья. После вступления страны в ВТО и выравнивания конкуренции на внутреннем и внешнем рынках стимулирование импортозамещения приобретает, может быть, большее значение, чем поддержка экспорта. Предприятия, ориентированные на внутренний рынок, более привлекательны для иностранных инвестиций, чем экспортоориентированные производства.

В области внутренних финансов с целью ускорения экономического роста целесообразно активнее использовать долговые инструменты. Не нужно, наверное, бояться дефицитности бюджета, естественно, при эффективности государственных расходов. Для поддержания экономического роста, возможно, придётся повысить лимит дефицита бюджета с нынешнего 1% ВВП до 2-3%. Это нормальный показатель по мировым меркам. Ждать всё время «второй волны» кризиса и складывать все деньги в кубышку (на всякий случай) - вряд ли лучшее решение. Если государство не будет поддерживать меры по изменению структуры экономики и повышению её конкурентоспособности, то, в случае затяжного мирового кризиса, всё равно никаких валютных резервов не хватит.

Задачи пространственного развития, а значит и более полного использования всех ресурсов страны, невозможно решить без реального внедрения бюджетного федерализма, доведенного до уровня муниципальных образований. На деле же происходит дальнейшая централизация бюджета.

С точки зрения рисков переходного периода, не очень продумано и недавнее введение бюджетного правила, по которому предельные расходы федерального бюджета определяются на основе средней цены на нефть за прошлые периоды. Такая расчётная цена на нефть сокращает расходы при постоянном повышении цен на нефть. В случае её длительного снижения (что нельзя исключать) лимит федеральных расходов будет наоборот завышаться.

По традиции, идущей ещё с советских времён, у нас сохраняется любовь к различным мифам. Один из них – создание в Москве международного финансового центра. Это абсолютно утопическая идея, для реализации которой нет никаких предпосылок. При этом на второй план отошла неотложная и приоритетная задача формирования эффективной системы финансирования отечественной промышленности и сельского хозяйства. Для этого требуется, прежде всего, кардинальная реформа отечественной банковской системы, которая не выполняет роли финансового посредника в экономике. Такая реформа предполагает систему мер, начиная от изменения Закона о ЦБ (регулятор должен отвечать и за экономическую динамику, в том числе в регионах), и кончая санацией банковской системы, выводом из неё «карманных» и криминальных банков, разделением функций универсальных и инвестиционных банков и др.

В кризис 2008-2009 гг. отечественные банки в целом устояли благодаря антикризисным мерам по поддержке крупнейших кредитных институтов. Но такая поддержка осуществлялась в ограниченном временном периоде, поскольку со II-го квартала 2009 г. начался достаточно быстрый рост цен на нефть и ситуация в стране улучшилась. Банкам, как и всей экономике, предстоит сложная длительная адаптация к меняющимся внешним и внутренним условиям.

В принципе у России благоприятная ситуация для развития. Главное – реальная оценка рисков и выбор направлений в использовании имеющихся ресурсов, который позволил бы задействовать наиболее эффективные точки роста на всём экономическом пространстве страны.

Ключевые слова: мировая экономика, Россия, дисбалансы, финансовые «пузыри», биржевые цены, риски, экономические модели, точки роста.

© Королев Иван Сергеевич, 2013